

Александр Кабанов (р. в 1968 году в городе Херсоне) — украинский поэт, живущий и работающий в Киеве, пишущий на русском языке. Автор 10-ти книг стихотворений и многочисленных публикаций в журнальной и газетной периодике: «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Континент», «Дружба народов», «Арион», «Новая газета», «Литературная газета» и др.

Лауреат «Русской премии», премии «Antologia» за высшие достижения в современной поэзии, премии журнала «Новый мир», Международной Волошинской премии и др.

Стихи Александра Кабанова переведены на украинский, английский, немецкий, нидерландский, финский, грузинский, сербский и др. языки.

Александр Кабанов — главный редактор журнала о современной культуре «ШО», координатор Международного фестиваля поэзии «Киевские Лавры», один из основателей.

ПРИШЕСТВИЕ

Чую гиблую шаткость опор, омертвенье канатов,
И во мне прорастает собор на крови астронавтов,
Сквозь форсунки грядущих веков и стигматы прошедших
Прет навстречу собор дураков на моче сумасшедших.

Ночь — поддета багром, ослепленная болью — белуга,
Чую, как под ребром — все соборы впадают друг в друга,
Родовое сплетенье корней, вплоть до мраморной крошки:
Что осталось от веры твоей? Только рожки да ножки.

И приветственно, над головой поднимая портрет Терешковой,
Миру явится бог дрожжевой — по воде порошковой,
Сей создатель обломков — горяч, как смеситель в нирванной,
Друг стеклянный, не плачь, — заколочен словарь деревянный.

Притворись немотой, пустотой, ожидающей правки,
Я куплю тебе шар золотой в сувенировой лавке —
До утра, под футболку упрячь, пусть гадают спросонок:
Это что там — украденный мяч или поздний ребенок?

Будет нимб над электроплитой ощекотывать стужу,
И откроется шар золотой — бахромою наружу,
Очарованный выползет еж, и на поиски пайки —
Побредет не Спаситель, но все ж — весь в терновой фуфайке.

Принудительно-яблочный крест на спине тяжелеет:
Ёжик яблоки ест, ежик яблоки ест, поедая — жалеет,
На полях Байконура зима, черно-белые строфы,
И оврага бездонная тьма, как вершина Голгофы.

* * *

Отгremели русские глаголы,
Стихли украинские дожди,
Лужи в этикетках кока-колы,
Перебрался в Минск Салман Рушди.

Мы опять в осаде и опале,
На краю одной шестой земли,
Там, где мы самих себя спасали,
Вешали, расстреливали, жгли.

И с похмелья каялись устало,
Уходили в землю про запас,
Родина о нас совсем не знала,
Потому и не любила нас.

Потому, что хамское, блатное —
Оказалось ближе и родней,
Потому, что мы совсем другое
Называли Родиной своей.

* * *

Летний домик, бережно увитый
Виноградным светом с головой,
Это кто там, горем не убитый
И едва от радости живой?

Это я, поэт сорокалетний,
На веранду вышел покурить,
В первый день творенья и в последний
Просто вышел, больше нечем крыть.

Нахожусь в конце повествованья,
На краю вселенского вранья,
«В чем секрет, в чем смысл существованья?» —
Вам опасно спрашивать меня.

Все мы вышли из одной шинели
И расстались на одной шестой,
Вас как будто в уши поимели,
Оплодотворили глухотой.

Вот, представьте, то не ветер клонит,
Не держава, не Виктор Гюго —
Это ваш ребенок рядом тонет,
Только вы не слышите его.

Истина расходится кругами,
И на берег, в свой родной аул,
Выползает чудище с рогами —
Это я. А мальчик утонул.

МУРАШКИ

Они пришли из недопитых чашек,
Кофейных гущ, прокисшего вина;
Зачем, Господь, для племени мурашек
Нужна обетованная спина?

Побуквенный исход из алфавита
В словарь пустынь, в мясные времена,
Мурашка «А» — смертельно ядовита,
Мурашка «Я» — бессмертием полна.

Одни — вразброс, другие — монолитны,
Тускнеют краски, звук почти иссяк,
Мурашка «Б» — еще бубнит молитвы,
Мурашка «Ю» — похоже, на сносях.

Так, чередуя жажду и затяжки,
Выстраиваешь хаос в монолог,
Покуда по спине бегут мурашки,
Ее владелец — царь и полубог.

И вдохновенье, как ремейк на чудо,
Обгаженными лапками скребя,
Вот-вот взлетит, из ереси и зуда
И, через миг, уверует в себя.

* * *

Мы так долго живем, погруженные в чудо,
Будто в бочку на заднем дворе,
К нам приходит подводный апостол Иуда,
Акваланги его — в янтаре.

Говорит: собирайтесь в дорогу, длиною
В 40 тысяч мучительных лье,
И фонарик включил, и раскрыл предо мною —
От Жюль Верна Евангелие.

Вы, товарищи, темные в этих вопросах,
Сомневаться и медлить нельзя,
Вот вам шахматный хлеб и резиновый посох,
Вот протоптана мною стезя.

Пузырьки выпуская, началось кадило...
Рассчитайтесь на первый-второй!
Дефицитное солнце над нами всходило,
Словно баночка с черной икрой...

...До сих пор продолжается это скитанье
По следам от раздвоенных ласт.
Почему он спросил: «Кто из вас
На прощанье поцелует меня и предаст?»

А мы — темны, как будто перекаты
Ночной воды по свиткам бересты,
И наш Господь растаскан на цикады,
На звезды, на овраги и кусты.

Затягиваясь будущим и прошлым,
Покашливает время при ходьбе,
Поставлен крест, и первый камень брошен
И с благодарностью летит к Тебе.

Сквозь вакуум в стеклянном коридоре,
Нагнав раскосых всадников в степи,
Сквозь память детскую, сквозь щелочку в заборе
Невыносимо терпкое «терпи».

Вот море в зубчиках, прихваченных лазурью,
Почтовой маркой клеится к судьбе,
Я в пионерском лагере дежурю,
А этот камень всё летит к Тебе.

Сквозь деканат (здесь пауза-реклама),
Сквозь девочку, одетую легко,
Сквозь камуфляж потомственного хама,
Грядущего в сержанте Головки.

И облаков припудренные лица
В окладах осени взирают тяжело,
Я в блог входил — на юзерпик молиться,
Мне красным воском губы обожгло.

Остановить — протягиваю руку,
Недосягаем и неумолим
Булыжный камень, что летит по кругу:
Спешит вернуться в Иерусалим.

Это люди особой породы,
Это люди особой судьбы:
На подмостках — сезон Квазимоды,
Замурованы крылья в горбы.

Спотыкаясь в невидимых латах
Под дождем из одних запятых,
Это время, когда бесноватых
Тяжело отличить от святых.

И мутит от церковной попойки,
Там, где смешана с кровью кутья,
Это время бессмысленной кройки,
И уже не дождаться шитья.

Вдохновенье в неровную строчку
И любовь в шутовских ярлыках —
Вот и режут ее по кусочку
И уносят в своих рюкзаках.